

ЭЛЕГИЯ «НЕ СПРАШИВАЙ ЗАЧЕМ УНЫЛОЙ ДУМОЙ» А.С. ПУШКИНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ

Ненарокова Мария Равильевна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Российский университет дружбы народов, Россия, Москва, maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Еременко-Григоренко Юлиана Николаевна, Донецкий государственный университет, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия, yu.eremenko04@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3458-4947>

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода пушкинской лирики на английский язык в XX–XXI вв. Объектом изучения стали содержание и форма переводов элегии А.С. Пушкина «К *** (Не спрашивай, зачем унылой думой...)». Предметом изучения стали особенности передачи формы и содержания стихотворения Пушкина в английских переводах. Исследование осуществлено на материале двух переводов элегии, выполненных переводчиками Вячеславом Чистяковым и Андреем Кнеллером. Введение в научный обиход двух ранее не исследованных переводов пушкинского текста составляет новизну исследования. В задачи исследователя входило: определить и описать особенности перевода выбранного для анализа стихотворения; определить круг его ключевых лексем; выявить и описать расхождения в переводах, указать, почему выбранный вариант возможен или невозможен в переводе пушкинского текста. Исследование показало, что при передаче грамматических особенностей оригинала использовались многочисленные переводческие трансформации. Перевод Кнеллера более удачен, поскольку он старается не использовать эмоционально окрашенную лексику.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, лирика, элегия, перевод, переводная множественность, эмоционально окрашенная лексика, нейтральная лексика, переводческая трансформация.

Для цитирования: Ненарокова М.Р., Еременко-Григоренко Ю.Н. Элегия «Не спрашивай зачем унылой думой» А.С. Пушкина: сравнительный анализ двух англоязычных переводов // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 98–106. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-98-106>

Research Article

THE ELEGY “DON’T ASK ME WHY, ALONE IN DISMAL THOUGHT” BY ALEXANDER PUSHKIN: A COMPARATIVE ANALYSIS OF TWO ENGLISH TRANSLATIONS

Maria R. Nenarokova, doctor of Philology, Professor, Leading Researcher, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russia, maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Yuliana N. Eremenko-Grigorenko, Donetsk State University, Donetsk, Donetsk People’s Republic, Russia, yu.eremenko04@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3458-4947>

Abstract. The article focuses on the problem of translating Pushkin’s lyrics into English in the 20th–21st centuries. The object of study is the content and form of A.S. Pushkin’s elegy “To *** (Don’t ask me why, alone in dismal thought)” in English translations. The subject of the study is the peculiarities of conveying the form and the contents of Pushkin’s poem, with two translations of the elegy, made by Vyacheslav Chistyakov and Andrey Kneller, as a case study. The analysis of two previously unexplored translations of Pushkin’s text constitutes the novelty of the study. The tasks of the study were as follows: to describe the peculiarities of the given translations, to outline the group of the key words of the poem, describe discrepancies in their translation. The study showed that numerous translation transformations were used by the translators. Kneller’s translation is more adequate because of avoiding emotionally charged language.

Keywords: A.S. Pushkin, lyrics, elegy, translation, translation plurality, emotionally charged vocabulary, neutral vocabulary, translation transformation.

For citation: M.R. Nenarokova, Yuliana N. Eremenko-Grigorenko The elegy “Don’t ask me why, alone in dismal thought” by Alexander Pushkin: a comparative analysis of English translations. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 98–106 (InRuss.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-98-106>

Переводная множественность обычно понимается как возможность появления переводов одного текста как в диахронии, когда все переводы одного текста можно выстроить по хронологии – с первого до последнего, причем их могут разделять десятки лет, так и в синхронии, когда выбираются переводы, сделанные разными людьми в течение небольшого отрезка времени. При этом различные «переводческие версии одного и того же оригинала» [Чайковский: 143] образуют «пространство перевода» [Кушникова: 40], позволяющее увидеть, как менялись понимание и процесса, и результата переводческой деятельности, отношение к переводимому тексту, мировоззрение переводчиков. Обращение к поэтическим текстам привлекательно для переводчика, поскольку в поэзии открывается мир чувств и переживаний, находящихся отклик в душе любого человека. Именно так объясняет выбор поэтических текстов для перевода переводчик-любитель Александр Сингилеев: «...перевожу в меру сил и умений те произведения, которые не оставили меня равнодушным, даже будучи написанными на других языках» [Сингилеев]. Однако при переводе поэтических текстов возникают определенные трудности, поскольку переводчику необходимо передавать такие особенности стихотворной формы, как размер и рифма. Случай А.С. Пушкина является, пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией проблемы переводной множественности: первые переводы пушкинской лирики появились в 20-х гг. XIX в., еще при жизни поэта, и с тех пор обращение переводчиков, как российских, так и зарубежных, к творчеству великого русского поэта не прекращается. Работа над переводами пушкинской поэзии осложняется тем, что Пушкин стал одной из констант русской культуры, ее символом. Слава Пушкина как «солнца русской поэзии» задает высокую планку, обязывая переводчиков, решивших перевести его произведения, стремиться к максимальному сохранению и формы, и содержания его поэзии, а это подчас приводит к переводческим ошибкам и потерям.

С точки зрения переводной множественности случай Пушкина, пожалуй, уникален. Его произведения переводились на множество языков, в первую очередь на европейские языки, на немецкий и французский, которые в соответствии с культурной ситуацией, сложившейся в России XIX в., также можно считать языками русской культуры, поскольку образованные русские люди свободно говорили, читали, писали на этих языках.

Величие творческого наследия поэта французской аудитории открыл Проспер Мериме переводами

«Пиковой дамы», поэм «Цыгане», «Руслан и Людмила», «Евгений Онегин». Переводчиками пушкинских произведений на французский язык были И. С. Тургенев, Л. Виардо, В. Михайлов, Ф. Готье, П. Бессан, Л. Леже: «Вступление» «Медного всадника», отрывки из «Евгения Онегина», стихотворения «Пророк», «Анчар», «Русалка», «Утопленник», «Песнь о вещем Олеге», «Памятник», «Клеветникам России», поэму «Братья разбойники», сцену в Чудовом монастыре из «Бориса Годунова». Существенный вклад в популяризацию Пушкина во Франции в XX веке внесли такие французские писатели и ученые, как Анри Труайя, Юбер Жуэн, Жан-Луи Бэкс [Трыков: 183–189; Крамер: 115–117]. Знакомство немецких читателей с творчеством А.С. Пушкина – «Станционный смотритель», «Борис Годунов», «Дубровский» состоялось благодаря переводам Генри Гейзелера, Артура Лютера, Рейнгольда фон Вальтера, Вернера фон Маттейя [Юдина: 39–48].

Пушкина переводили и на славянские языки, например на чешский. Чешские читатели познакомились с творческим наследием А.С. Пушкина, а именно: «История стихотворца», «Зимний вечер», «Два ворона», «Клеветникам России», «Бесы», «Анчар», «Цветок», отрывок из «Медного всадника», «Борис Годунов», «Барышня-крестьянка», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Полтава», «Братья разбойники», «Евгений Онегин», «Кавказский пленник» [Кишкин: 264–268]. Первые переводы произведений А.С. Пушкина на словенский язык были сделаны выдающимся словенским поэтом – реалистом, русофилом Антоном Ашкерцем. Ему удалось выполнить главную задачу любого профессионального переводчика: понять смысл и прочувствовав форму произведения, воспроизвести его на другом языке, сохраняя не только замысел, размер, подтекст, но и общее впечатление, создаваемое оригиналом, так называемое «послевкусие» стиха [Старикова: 228–234].

Творчество Пушкина известно и в Скандинавии. Так, норвежцам пушкинская проза стала известна в переводах И. Кристенсена, Н. Хьяра, Х. Крога. У. Рюттер переводил как прозу, так и стихи Пушкина. Благодаря его труду на норвежский язык были переведены не только «Капитанская дочка», «Повести Белкина» и другие новеллы, но и «Евгений Онегин», «“Памятник” и другие стихи», «Борис Годунов», «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери» [Ермакова: 149–157].

При том что переводы пушкинской лирики на латинский язык можно назвать скорее интеллектуальной игрой, а не необходимостью, тем не менее

и на латынь Пушкина переводили. Лирика Пушкина на латинском языке появилась в переводах Проспера Мериме, Г.Э. Зенгера, Ф.Е. Корша, среди которых находим «Анчар», «Пророк», «Туча», «Поэт и толпа», перевод сонета «Поэту», «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...»), послание «К Овидию» [Боровский: 68–74].

Пушкинская проза и стихи оказались востребованы и на Востоке. Переводы и исследования А.С. Пушкина имеют в Китае более чем столетнюю историю. Кроме того, и по сей день А.С. Пушкин является одним из наиболее читаемых иностранных писателей [Ван Лие: 158–166]. Пушкина переводили и на персидский язык [Розенфельд: 121–128].

Существует немало переводов произведений Пушкина и на языки народов России. Так, не раз отдельные стихотворения переводились на татарский язык: например, «Зимний вечер» в 1906 г. был переведен Г. Рахманкулем, а затем еще 6 раз (Дэрдмендом, М. Джалилем, А. Ерикеем, Х. Усмановым, С. Батталом, М. Садри), стихотворение «Цветок» (перевод И. Киляуле) переводилось 5 раз и др. Следует отметить, что особенностью переводов на татарский язык является широкое употребление аллюзий татарского художественного сознания, которые способствуют адаптации пушкинских текстов к нему [Сафина 2009: 154–161; Сафина 2014: 173–176].

Не обошли вниманием лирику Пушкина англоязычные читатели. Знакомство англоязычной читательской аудитории с творчеством А.С. Пушкина состоялось благодаря трудам многих переводчиков, как носителей английского языка – Уолтер Арндт, Джеймс Фаллен, Оливер Элтон, Энтони Вуд, Джулиан Лоуэнфельд, Уильям Д. Льюис, Дж. Борроу, Томас Бодж Шоу, Ч.Э. Турнер, Р. Лэмпсон, так и тех, чьим родным языком является русский: это Иван Козлов, А.Д. Абамяк-Баратынская, В.В. Набоков, И. Железнова, Е. Бонвер и др. На английском языке можно прочесть такие пушкинские шедевры, как «Черная шаль» и «Песня Земфиры», отрывок из поэмы «Цыгань», «Талисман», «Арион», «Зимняя дорога», «Зимнее утро» [Ненарокова 2017: 794–806; Ненарокова 2019: 22–30; Тихомирова: 29–37; Черемисина-Харпер: 131–134].

Американский филолог-русист Дин Хант, переведивший произведения русских поэтов, в частности Пушкина, охарактеризовал работу этих переводчиков как «героический подвиг» [Третьяков Хант: 28], так как «эта работа полна непредсказуемых ловушек. Тут и установившиеся языковые традиции в сложном переплетении с поэтическими аллюзиями и выражениями, тонкие языковые различия, неповторимость внешнего строения оригинала, а также ритмические и стилистические препятствия» [Третьяков Хант: 28]. Все эти наблюдения переводчика-практи-

ка можно отнести и к элегии Пушкина «Зачем унылой думой», переводы которой ранее не привлекали внимания исследователей.

Для начала стоит обратиться к истории создания стихотворения Пушкина «Зачем унылой думой». В 1816 г. в Россию из Европы вернулась княгиня Авдотья Ивановна Голицына. В салон княгини в Санкт-Петербурге приезжали Н.М. Карамзин, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский. В период с 1817 по 1820 г. Голицыну навещал и Пушкин. По свидетельству Карамзина, он был пылко влюблен в Авдотью Ивановну. Ей он посвятил элегию «Зачем унылой думой», написанную в 1817 г. Лирический герой рассуждает о мимолетности счастья в жизни человека. Его слова наполнены глубоким разочарованием и даже любовь не может стать для него панацеей.

К элегии Пушкин обратился в 1816 г., следуя примеру В.А. Жуковского, он разрабатывал темы, характерные для элегии, – неразделенная любовь, уходящая молодость, постепенно угасающая душа. В рассматриваемом тексте присутствуют вариации этих мотивов. Любовь оказывается невозможной, молодость проходит, оставляя лишь разочарование, способность радоваться жизни утрачивается, а душа практически мертва.

Элегия «Зачем унылой думой» еще при жизни Пушкина была положена на музыку. Не раз к ней обращались известные композиторы, например, А.С. Даргомыжский, А.Т. Гречанинов, В.С. Калинников. Одна из наиболее популярных на сегодня мелодий принадлежит Исааку Иосифовичу Шварцу. Его прекрасная стилизация под старинные русские романсы впервые прозвучала в фильме «Станционный смотритель», вышедшей на экраны в 1972 г.

А.И. Белецкий в статье 1953 г. «Из наблюдений над стихотворными текстами А.С. Пушкина» достаточно полно исследовал семантику ключевых слов лирического произведения «К *** (Не спрашивай, зачем унылой думой...», он приходит к выводу о том, что «любовная тематика» анализируемого произведения подчинена философско-психологической концепции, при этом основой является «тема разных состояний внутреннего мира поэта». По мнению А.И. Белецкого, в элегии поэт переживает три этапа таких состояний: вторжение красоты, «врезавшейся в душевную память» поэта, утрата воспоминания в момент душевного угнетения и, наконец, ощущение эстетической ценности жизненных явлений [Белецкий: 393].

С его выводами соглашается и Б.В. Томашевский, уточняя, что в произведении «отражены не реальные определения женщины, а только эмоциональная характеристика восприятия, поэтического воспоминания». Известный филолог и пушкинист называет в качестве главной темы этого стихотворения тему

любви, которая определяет «полноту жизни» [Томашевский: 335–336].

В настоящее время существует значительное количество переводов стихотворения Пушкина «Не спрашивай, зачем унылой думой» на английский язык. Все они различаются между собой, поскольку переводчики преследовали разные цели: сохранить ритмическую организацию исходного текста, сделать перевод максимально близким к оригиналу, передать национально-культурную специфику переводимого произведения. В связи с этим представляется актуальным сопоставительный анализ подходов разных переводчиков к решению проблем, возникающих при передаче данного произведения с русского языка на английский [Князева: 26].

Для анализа были взяты два перевода стихотворения А.С. Пушкина «Зачем унылой думой», выполненные нашими современниками Вячеславом Чистяковым и Андреем Кнеллером.

Андрей Кнеллер, поэт и переводчик, живет в США. Из-под его пера вышли переводы стихотворений В.В. Маяковского, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, А.С. Пушкина. Кроме того, его собственные стихотворения публиковались в ряде журналов, включая *Futures Magazine*, *National Forum: The Phi Kappa Phi Journal*. О Вячеславе Чистякове опубликовано мало информации, однако стоит отметить, что этот человек позиционирует себя в первую очередь как писатель, а переводческая деятельность для него является второстепенной.

Как Вячеслав Чистяков, так и Андрей Кнеллер стремятся полностью воссоздать рифмическую структуру оригинала. Передача лексико-стилистических средств оформления поэтического перевода при переводе представляет собой значительную проблему, поскольку переводчики сталкиваются с необходимостью сохранить стилистическую окраску, смысловые коннотации, оценку, экспрессивность переводимых единиц. Все это требует от переводчика высокого профессионального мастерства.

В приведенном ниже фрагменте (табл. 1) интерес в переводческом аспекте представляют две выделенные единицы: «унылый» (о думе) и «забава».

«Большой толковый словарь» определяет лексическую единицу «унылый» следующим образом: «наводящий уныние своим однообразием, монотонностью и т. п.; безрадостный, скучный» [Ожегов: 943]. При переводе Кнеллер использовал лексическую еди-

ницу “dismal” – *showing or causing unhappiness or sad feelings: not warm, cheerful, etc.* – «проявляющий или становящийся причиной несчастья или печальных чувств: отсутствие теплоты, жизнерадостности и т. д.» [The Britannica Dictionary], а Чистяков – “depressing” – *causing someone to feel sad or without hope: causing depression* – «заставляющий кого-то чувствовать грусть или отсутствие надежды: вызывающий депрессию» [The Britannica Dictionary]. Таким образом, мы можем отметить, что Вячеслав Чистяков при переводе сделал акцент на эмоциональной составляющей, усиливающей впечатление от прочтения, в то время как Андрей Кнеллер выбрал относительно нейтральную лексическую единицу.

В Большом толковом словаре русского языка дана следующая дефиниция лексической единицы «забава» – «развлечение» [Ожегов: 943]. У Чистякова «забава» передана словом “fun” (согласно словарю Cambridge dictionary, имеет значение “*pleasure, enjoyment, or entertainment*” – «удовольствие, услада или развлечение» [Cambridge English Dictionary]), что ближе к понятию «забава, развлечение» в русском языке. Кнеллер выбирает лексическую единицу “mirth”, что, конечно, не совсем соответствует русскому слову «забава» – “*laughter, humour, or happiness*” – «смех, юмор или счастье» [Cambridge English Dictionary].

Отдельного внимания заслуживает и грамматическое построение предложений. Кнеллер переводит дословно «Не спрашивай, зачем унылой думой» – “**Don’t ask me why**, alone in dismal thought,” «Не спрашивай меня, почему я погружен в мрачные раздумья», в то время как Чистяков видоизменяет структуру предложения для более адекватной передачи его на иностранный язык: “**You wander why** I’m very often shaded” – «Ты спрашиваешь, почему я так часто омрачен».

В приведенном далее фрагменте (табл. 2) интерес в переводческом аспекте представляют две выделенные единицы: «угрюмый» (о взоре) и «взор».

Вячеслав Чистяков в своем переводе слова «угрюмый» использует яркоокрашенную лексическую единицу “grief” – “*very great sadness, especially at the death of someone*” – «очень большая печаль, особенно из-за чьей-то смерти» [Cambridge English Dictionary], что подчеркивает чувства лирического героя: смерть любви как чувства воспринимается как смерть близкого человека. Однако перевод Кнеллера –

Таблица 1

Перевод двух первых строк первой строфы

Оригинал	Перевод В. Чистякова	Перевод А. Кнеллера
Не спрашивай, зачем унылой думой Среди забав я часто омрачен,	You wander why I’m very often shaded With a depressing thought amidst a fun,	Don’t ask me why, alone in dismal thought, In times of mirth, I’m often filled with strife,

Таблица 2

Перевод третьей и четвертой строки первой строфы

Оригинал	Перевод В. Чистякова	Перевод А. Кнеллера
Зачем на все подъямлю взор угрюмый, Зачем не мил мне сладкой жизни сон;	Why for a grief my glances are intended, Why sweetened dreams of life from me are gone;	And why my weary stare is so distraught, And why I don't enjoy the dream of life;

Таблица 3

Перевод второй строфы стихотворения

Оригинал	Перевод В. Чистякова	Перевод А. Кнеллера
Не спрашивай, зачем душой остылой Я разлюбил веселую любовь И никого не называю милой – Кто раз любил, уж не полюбит вновь;	Don't ask me why my chilled downsoul Is not amused by a playful love, Why "dear pet" I nobody call – Who loved once is gratified enough.	Don't ask me why my happiness has perished, Why I don't love the love that pleased me then, No longer can I call someone my cherished Who once felt love will never love again;

distraught – “If someone is distraught, they are so upset and worried that they cannot think clearly.” – «Если кто-то обезумел от горя, это значит, что он настолько расстроен и обеспокоен, что не может ясно мыслить» [Collins English Dictionary] – в данном случае оказывается точнее и ближе к русскому значению слова «угрюмый» – «мрачный, неприветливый; безотрадный» [Ожегов: 943].

У русского существительного «взор» есть значение «направленность, устремленность глаз в сторону кого-либо или чего-либо». У Чистякова встречаем “glances” – “a quick short look” – «краткосрочный взгляд» [Cambridge English Dictionary], тогда как Кнеллер выбирает “stare” – “a long look at something or someone with your eyes wide open” – «длительный взгляд на что-то или кого-то с широко открытыми глазами» [Cambridge English Dictionary]. Интересен тот факт, что выбранные при переводе лексические единицы являются антонимами, но при этом одинаково гармонично воспринимаются читателем. Однако все-таки перевод Кнеллера более адекватен, так как, исходя из контекста стихотворения, Александр Сергеевич старался подчеркнуть угрюмость и мрачность взора расстроенного человека, который точно не предпринимает резких движений для смены положения головы и, соответственно, угла зрения.

Стоит также отметить особенность грамматического построения предложения “Зачем не мил мне сладкой жизни сон” при переводе на английский язык: Кнеллер переводит практически дословно “And why I don't enjoy the dream of life” – «И почему я не наслаждаюсь сном жизни», а у Чистякова подлежащим становится «сладкий сон», который покинул лирического героя: “Why sweetened dreams of life from me are gone” – «Почему сладкие мечты о жизни покинули меня».

Для русской лингвокультуры концепт «душа» является основополагающим, и при переводе важно сохранить данный концепт для достижения полноценности перевода. В этом ключе перевод Вячеслава Чистякова ближе к оригиналу, чем перевод Кнел-

лера (табл. 3), где акцент делается на «исчезнувшей радости» – ‘happiness has perished’, а не на «остылой душе» – ‘Don't ask me why my chilled down soul’.

Кроме того, и во второй строке второй строфы стихотворения Чистяков более поэтичен, чем Кнеллер: у Кнеллера находим тавтологию из-за использования глагола “to love” и существительного “love” в одной фразе, Чистяков использует Participle II “amused”, что является более удачным переводческим решением для фразы «Я разлюбил веселую любовь». Для того чтобы убедиться в правильности выбранной для перевода лексической единицы “amused”, обратимся к словарю Cambridge Dictionary – ‘to keep someone interested and help them to have an enjoyable time’ – «заинтересовать кого-то и помочь приятно провести время» [Cambridge English Dictionary]. Интересен выбор переводчиком слова “playful”, которое в словаре Cambridge Dictionary имеет дефиницию “funny and not serious” – «забавный и несерьезный» [Cambridge English Dictionary]. Пушкин показывает, что раньше лирический герой находил для себя интересной и, возможно, даже забавной «веселую любовь», ту самую любовь – *lūdus* по Аристотелю – гедонистическую любовь-игру, которая не отличается глубиной чувства – пока не полюбил по-настоящему и пока всё кардинально не изменилось. Этот смысл филигранно передан Чистяковым.

Обратимся к лексической единице «милая», которая в эпоху жизни Пушкина имела значение «возлюбленная». Стоит отметить различный подход переводчиков к передаче этого слова на английский язык: Чистяков использует словосочетание “dear pet”, которое в английской лингвокультуре используется в неформальной обстановке и преимущественно в устном общении, в то время как Кнеллер выбирает литературный вариант слова «милая» – “cherished” – «любимая». Если обратиться к словарю Collins Dictionary [Collins English Dictionary], то мы увидим: в качестве дефиниции слова “cherished” дана не менее литературная лексическая единица “treasured” – «драгоценная». Та-

ким образом, Кнеллер подчеркивает отношение лирического героя к своей возлюбленной – она не просто «милая», она «драгоценная, подобна сокровищу».

Анализируя строку «Кто раз любил, уж не полюбит вновь», стоит отметить, что Кнеллер переводит эту фразу практически дословно “Who once felt love will never love again” – «Тот, кто однажды испытал любовь, никогда не полюбит снова», в то время как Чистяков в поисках новых смыслов в произведении передает это следующим образом: “Who loved once is gratified enough”, что при обратном переводе означает «кто любил хотя бы раз уже счастлив». Вновь Вячеслав Чистяков делает акцент на эмоциональной составляющей при прочтении, используя эмоционально окрашенную лексику и придавая тексту новый смысл. Безусловно, мы не можем отрицать, что перевод Кнеллера является также адекватным, но восприятие оригинала будет совершенно разным при прочтении перевода Кнеллера и перевода Чистякова.

Далее, интерес представляет перевод лексической единицы «счастье» (табл. 4) – «чувство и состояние полного, высшего удовлетворения» [Ожегов: 943].

Чистяков передает «счастье» посредством словосочетания “soul treasures”, что при обратном переводе означает «сокровища души». Безусловно, в осознании счастья любить и быть любимым в ответ заключается ценность, но под «сокровищами души» в русской лингвокультуре обычно подразумевается нечто иное – душевные качества, духовное развитие человека, но не пушкинское «счастье». Говоря о переводе Кнеллера, стоит отметить, что английское слово “bliss” – «блаженство, счастье», относящееся к возвышенной лексике, – подобрано достаточно грамотно. Если мы обратимся к словарю Cambridge Dictionary, мы увидим, что у слова “bliss” есть следующая дефиниция: “perfect happiness” – «совершенное счастье» [Cambridge English Dictionary], что отражает значение русского словосочетания «высшее счастье».

Согласно словарю Ожегова, слово «блаженство» определяется как «полное и невозмутимое счастье; наслаждение» [Ожегов: 943]. Чтобы подчеркнуть «краткий миг» блаженства, Кнеллер выбирает для своего перевода фразу “moment’s happiness” – «счастье мгновенья», в то время как Чистяков акцентирует внимание не столько на быстротечности блаженства, сколько на самом ощущении, которое

является новым и волнующим – об этом свидетельствует дефиниция слова “fresh”, взятая из Collins Dictionary – “If you describe something as fresh, you like it because it is new and exciting” - «Если вы описываете что-то как новое, вам это нравится, потому что это что-то ранее не было испытано и является захватывающим» [Collins English Dictionary]. Вероятно, тот факт, что Вячеслав Чистяков является в первую очередь писателем, отражается на его переводах в стремлении усилить эмоциональный эффект от прочтения произведения.

Если вернуться к оригиналу стихотворения, то мы обнаруживаем, что, как это обычно бывает с ключевыми словами культуры, ни одно из слов, выбранных переводчиками, не может в полной мере передать значения пушкинского существительного «уныние», которое, согласно словарю Ожегова, определяется как «безнадежная печаль; гнетущая скука» [Ожегов: 943]. Вячеслав Чистяков использует слова “affliction” – «бедствие, несчастье» и “despondency” – «уныние, упадок духа», имеющие схожее значение – «сильное чувство несчастья, вызванное трудностями, которые человек, по его мнению, не сможет преодолеть». Очевидно, что переводчик в очередной раз усиливает и без того эмоционально окрашенную лексику русского языка.

В то же время Андрей Кнеллер переводит «уныние» как “apathy” – «апатия, вялость» и “grief” – «горе, печаль, скорбь», однако в английской лингвокультуре эти слова не являются синонимами, так как слово “apathy” отражает отсутствие эмоций, заинтересованности и желания взаимодействовать с кем-то, а лексическая единица “grief” имеет дефиницию глубокого страдания, вызванного тяжелой утратой кого-либо по причине смерти. Поскольку для лирического героя отсутствие взаимности или утрата расположения от возлюбленной подобно смерти любви, и, соответственно, чувства, которые он испытывает, подобны чувствам скорбящего, использованная Кнеллером лексика наиболее точно отражает смысл строк, заложенный Александром Сергеевичем.

Далее обратимся к переводческим трансформациям, использованным Андреем Кнеллером и Вячеславом Чистяковым. Вячеслав Чистяков использует переосмысление при переводе строки «Не спрашивай, зачем унылой думой» – “You wander why I am very often shaded”. Словосочетание «часто омрачен» пе-

Таблица 4

Перевод третьей строфы стихотворения

Оригинал	В. Чистяков	А. Кнеллер
Кто счастье знал, уж не узнает счастья. На краткий миг блаженство нам дано: От юности, от нег и сладострастья Останется уныние одно...	You cannot renovate your soul treasures , A want of a fresh happiness is vain – Of youth sensuality, of bliss and pleasures Affliction and despondency remain.	Who once felt bliss , no more will feel its essence, A moment’s happiness is all that we receive: From youth, prosperity and joyful pleasance, All that is left is apathy and grief ...

реведено Чистяковым с помощью модуляции – “with a depressing thought” – «гнетущей мыслью омрачен».

При переводе строки «Я разлюбил веселую любовь» Андрей Кнеллер использует описательный перевод – “why I don’t love the love that pleased me then” – «почему мне не мила та любовь, которая радовала меня раньше» – чтобы передать пушкинскую «веселую любовь».

Строка «кто раз любил, уж не полюбит вновь» переведена посредством полного перевода у Вячеслава Чистякова и методом частичного перевода у Андрея Кнеллера. Кроме того, строка «кто счастье знал, уж не узнает счастья» переведена Чистяковым с помощью переосмысления, а Кнеллером – частичного перевода.

Обращаясь к переводу строки «Останется уныние одно», стоит отметить, что оба переводчика использовали прием добавления и компенсации, о чем свидетельствует соответствие лексической единицы «уныние» – английским словосочетаниям «affliction and despondency» и “apathy and grief”.

Подводя итоги проведенного исследования, стоит отметить, что к элегии Пушкин, вслед за В.А. Жуковским, обратился в 1816 г., но элегия как жанр актуальна и в наше время, ведь мотивы неразделенной любви и уходящей молодости, подчиненные философско-психологической концепции, всегда были и будут вечными темами для вдохновения писателей, поэтов и музыкантов. Более того, элегия «К *** (Зачем унылой думой)» представляет особый интерес в переводческом и лингвокультурном аспекте.

Сравнительный анализ двух переводов элегии показал, что профессиональная деятельность авторов переводов определила некоторые особенности результата их трудов. Так, в переводе Вячеслава Чистякова, в первую очередь писателя, а потом уже переводчика, прослеживается тенденция акцента на эмоциональной составляющей при прочтении стихотворения, что реализуется при помощи использования эмоционально окрашенной лексики. Андрей Кнеллер, профессиональный переводчик, отдающий себе отчет в том, что он как автор перевода не должен замещать собой автора оригинала, обращается крайне осторожно с эмоционально окрашенными лексическими единицами и склонен выбирать относительно нейтральную лексику.

При передаче грамматического своеобразия лирического произведения «К *** (Не спрашивай, зачем унылой думой. . .)» А.С. Пушкина с русского языка на английский Вячеслав Чистяков и Андрей Кнеллер используют различные приемы и трансформации: переосмысление, модуляцию, описательный перевод, метод частичного перевода, метод полного перевода, прием добавления и компенсации, синтаксическое уподобление, синтаксическую замену.

В результате сравнительного анализа можно сделать вывод, что перевод Андрея Кнеллера оказался более удачен, поскольку переводчик не стремится усилить воздействие своего текста на читателя, используя лексику, которая по своей экспрессивности превосходит лексику пушкинского стихотворения. В переводе Кнеллера чувства, душевное состояние, эмоциональный накал поэтического воспоминания А.С. Пушкина в лирическом произведении выражены просто и эмоционально, переводчику удалось более тонко передать переживания великого русского поэта, таким образом, полученный перевод достаточно приближен к оригиналу.

Список литературы

Источники

The Britannica Dictionary. URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (дата обращения: 05.05.2024).

Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 29.04.2024).

Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 02.05.2024)

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений. РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 2003. 943 с.

Исследования

Белецкий А.И. Из наблюдений над стихотворными текстами А.С. Пушкина // Избранные труды по теории литературы. Москва: Просвещение, 1964. 490 с.

Боровский Л.М. О переводах стихотворений Пушкина на латинский язык // Временник Пушкинской комиссии. 1970 / под ред. М.П. Алексеева; Академия наук СССР, отд. лит. и яз. Ленинград: Наука, 1972. 140 с.

Ван Лие. Творчество А.С. Пушкина в Китае // Вестник московского университета. Сер. 9: Филология. 2012. № 6. С. 158–166.

Ермакова О.Л. А.С. Пушкин в норвежских переводах // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2019. № 4. С. 149–157.

Кишкин Л.С. Пушкин в переводах Челаковского и других чешских современников // Славянский альманах. 1999. С. 264–269.

Князева М.А. Особенности переводов романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на английский язык Идеи. Поиски. Решения: сб. ст. и тезисов XIII Международ. науч.-практ. конф. Минск: БГУ, 2020. С. 2–635.

Крамер В.В. Из истории ранних французских переводов Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1974. С. 115–117.

Кушнина Л.В. Когнитивно-семиотическое пространство перевода // Научно-технические ведомо-

сти СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 39–46.

Нагуманова Э.Ф. К вопросу о переводной множественности поэзии (на материале переводов стихотворений А.С. Пушкина на татарский язык) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (55). Ч. 1. С. 164–167.

Ненарокова М.Р. А.С. Пушкин «Зимняя дорога»: восприятие стихотворения в англоговорящем мире через методику внимательного прочтения // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 22–30.

Ненарокова М.Р. Пушкинский «Арион» на английском языке: к проблеме полноценности переводов // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 4. С. 794–810.

Розенфельд А.З. Новые переводы Пушкина на персидский язык (50–70-е годы) // Временник Пушкинской комиссии. 1985. С. 121–129.

Сафина Г.Ф. Поэтика синхронных переводов на татарский язык стихотворения Пушкина «Деревня» // Вестник ТГГПУ. 2014. № 2 (36). С. 173–176.

Сафина Г.Ф. Множественность переводов лирики А.С. Пушкина на татарский язык // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 3. С. 154–162.

Сафина Г.Ф. Адаптация форм пушкинской лирики в переводах на татарский язык // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2. С. 144–147.

Сингилеев А.Е. Бессонниц Солнце! URL: http://samlib.ru/s/singileew_a_e/sun_of_the_sleepless_by_byron.shtml (дата обращения: 16.07.2024).

Старикова Н.Н. Славянский альманах. 1998: А.С. Пушкин в словенских переводах и литературной критике (XIX в.) // Славянский альманах. 1999. С. 228–234.

Тихомирова Ю.А. Современный англоязычный Пушкин: стратегии репрезентации лирики // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 29–37.

Томашевский Б.В. А.С. Пушкин / отв. ред. В.Г. Базанов; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом). Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. 575 с.

Трыков В.П. Французский Пушкин // Знание. Понимание. Умение: Фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарных наук: науч. журнал Московского гуманитар. ун-та. 2008. № 1. С. 183–190.

Чайковский Р.Р. Основы художественного перевода (вводная часть). Магадан: СвГУ, 2008. 182 с.

Черемисина-Харрер И.А. В. Набоков – переводчик пушкинской лирики (на материале стихотворения «Зимнее утро») // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11 (113). С. 131–135.

Юдина Т.В. Конкурирующие переводы художественной литературы и проблема культурной идентичности переводчика // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. 2020. № 1. С. 39–51.

References

Beletskii A.I. *Iz nabliudeniĭ nad stikhotvornymi tekstami A.S. Pushkina* [From observations on the poetic texts of A.S. Pushkin]. *Izbrannye trudy po teorii literatury*. [Selected works on literary theory]. Moscow, Prosvshchenie Publ., 1964, 490 p. (In Russ.)

Borovskii L.M. *O perevodakh stikhotvorenii Pushkina na latiniskii iazyk* [On translations of Pushkin's poem into Latin]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [The Time of the Pushkin Commission], ed. by M.P. Alekseeva; USSR Academy of Sciences, Department of Literature and Language, Leningrad, Nauka Publ., 1972, 140 p. (In Russ.)

Chaikovskii R.R. *Osnovy khudozhestvennogo perevoda (vvodnaia chast')* [Fundamentals of literary translation. (introductory part)]. Study guide. *Severo-Vostochnyi gos. un-t.* [North-Eastern State University]. Magadan, North-Eastern SU Publ., 2008, 182 p. (In Russ.)

Cheremisina-Kharrer I.A. *V. Nabokov perevodchik pushkinskoi liriki (na materiale stikhotvoreniiia "Zimnee utro")* [V. Nabokov translator of Pushkin's lyrics (based on the material of the poem "Winter Morning")]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomskiy State University], 2011, No. 11 (113), pp. 131-135. (In Russ.)

Ermakova O.L. *A.S. Pushkin v norvezhskikh perevodakh* [A.S. Pushkin in Norwegian translations]. *Al'manakh severoevropeskikh i baltiiskikh issledovaniĭ*. [Almanac of Northern European and Baltic Studies], 2019, No. 4, pp. 149-157. (In Russ.)

Iudina T.V. *Konkuriruiushchie perevody khudozhestvennoi literatury i problema kul'turnoi identichnosti perevodchika* [Competing translations of fiction and the problem of cultural identity of the translator]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Bulletin of the Moscow University]. Ser. 22: The theory of translation, 2020, No. 1, pp. 39-51. (In Russ.)

Kishkin L.S. *Pushkin v perevodakh Chelakovskogo i drugikh cheshskikh sovremennikov* [Pushkin in the translations of Chelakovsky and other Czech contemporaries]. *Slavianskii al'manakh* [Slavic Almanac], 1999, pp. 264–269. (In Russ.)

Kniazeva M.A. *Osobennosti perevodov romana A.S. Pushkina "Evgenii Onegin" na angliiskii iazyk* [Features of translations of A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin" into English]. *Idei. Poiski. Resheniia: sb. st. i tezisov XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Ideas. Search. Solutions: collection of articles and abstracts of the XIII international Scientific and Practical Conference]. Minsk, BSU Publ., 2020, pp. 26-35. (In Russ.)

Kramer V.V. *Iz istorii rannikh frantsuzskikh perevodov Pushkina* [From the history of early French translations of Pushkin]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [The Time of the Pushkin Commission], 1974, pp. 115-117. (In Russ.)

Kushnina L.V. *Kognitivno-semioticheskoe prostranstvo perevoda* [Cognitive-semiotic translation space]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences], 2019, vol. 10, No. 4, pp. 39-46. (In Russ.)

Nagumanova E.F. *K voprosu o perevodnoi mnozhestvennosti poezii (na materiale perevodov stikhotvorenii A.S. Pushkina na tatarskii iazyk)* [On the question of the translational multiplicity of poetry (based on the material of translations of A.S. Pushkin's poems into the Tatar language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2016, No. 1 (55), part 1, pp. 164-167. (In Russ.)

Nenarokova M.R. *A.S. Pushkin "Zimniaia doroga": vospriiatie stikhotvorenii v anglogovoriashchem mire cherez metodiku vnimatel'nogo prochtenii* [A. S. Pushkin "Winter Road": the perception of a poem in the English-speaking world through the method of careful reading]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2019, No. 2 (56), pp. 22-30. (In Russ.)

Nenarokova M.R. *Pushkinskii "Arion" na angliiskom iazyke: k probleme polnotsennosti perevodov* [Pushkin's "Arion" in English: on the problem of the translations' usefulness]. *Vestnik RUDN* [Bulletin of the RUDN. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics], 2017, No. 4, pp. 794-810. (In Russ.)

Rozenfel'd A.Z. *Novye perevody Pushkina na persidskii iazyk (50-70-e gody)* [New translations of Pushkin into Persian (50-70)]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [The Time of the Pushkin Commission], 1985, pp. 121-129. (In Russ.)

Safina G.F. *Poetika sinkhronnykh perevodov na tatarskii iazyk stikhotvorenii Pushkina "Derevnia"* [The poetics of simultaneous translations into the Tatar language of Pushkin's poem "The Village"]. *Vestnik TGGPU* [Bulletin of the TGGPU], 2014, No. 2 (36), pp. 173-176. (In Russ.)

Safina G.F. *Mnozhestvennost' perevodov liriki A.S. Pushkina na tatarskii iazyk* [The multiplicity of translations of A.S. Pushkin's lyrics into the Tatar language].

Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Kazan State University. The series "Humanities"], vol. 151, iss. 3, pp. 154-162 (In Russ.)

Safina G.F. *Adaptatsiia form pushkinskoi liriki v perevodakh na tatarskii iazyk*. [Adaptation of the forms of Pushkin's lyrics in its translations into the Tatar language (the beginning of the twentieth century)]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of KazGUKI], 2014, No. 2, pp. 144-147. (In Russ.)

Singileev A.E. *Bessonits Solntse!* [Sun of the Sleepless!]. URL: http://samlib.ru/s/singileew_a_e/sun_of_the_sleepless_by_byron.shtml (access date 16.07.2024). (In Russ.)

Starikova N.N. *A.S. Pushkin v slovenskikh perevodakh i literaturnoi kritike (XIX v.)* [A.S. Pushkin in Slovene translations and literary criticism (XIX century)]. *Slavian-skii al'manakh* [Slavic Almanac], 1999, pp. 228-234. (In Russ.)

Tikhomirova Iu.A. *Sovremennyi angloiazychnyi Pushkin: strategii reprezentatsii liriki* [Modern English-speaking Pushkin: strategies for the representation of lyrics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2013, No. 373, pp. 29-37. (In Russ.)

Tomashevskii B.V. *A.S. Pushkin* [A.S. Pushkin.], ed. by V.G. Bazanov. Leningrad, Izd-vo AN USSR Publ., 1961, 575 p.

Trykov V.P. *Frantsuzskii Pushkin* [French Pushkin]. *Znanie. Ponimanie. Umenie: Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia v oblasti gumanitarnykh nauk: nauchnyi zhurnal Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Knowledge. Understanding. Ability. Fundamental and applied research in the field of humanities: the scientific journal of the Moscow university of humanities], 2008, No. 1, pp. 183-190. (In Russ.)

Van Lie. *Tvorchestvo A.S. Pushkina v Kitae* [The works of A.S. Pushkin in China]. *Vestnik moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University. Ser. 9: Philology], 2012, No. 6, pp. 158-166. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 28.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.